

Ор63.31
Б19
А-372161

Д.В. Васильев

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ:
ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
XVIII – XIX вв.**

Op 63.31
B19

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

63.3(2)5-64
+ 63.3(5Kaz)-64
Op 63.31

Д. В. Васильев

Обязательный
бесплатный
экземпляр

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ:
ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
XVIII – XIX вв.**

Монография

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2018

а - 372161

U

№

ПРЕДИСЛОВИЕ

Термин «аккультурация» был впервые употреблен немецким этнологом В. Крикенбергом в 1910 г. в отношении южноамериканских племен и характеризовал выравнивание культурных традиций. Он оказался весьма актуальным для исследования и описания культурных контактов, имевших место в колониях европейских государств между коренными жителями и представителями метрополии. Именно в таком контексте термин был раскрыт американскими антропологами Р. Редфилдом, М. Херковицем и Р. Линтоном в 1936 г. Причем эти авторы подчеркнули, что в результате аккультурации изменение изначальных культурных черт должно произойти в одной или обеих контактирующих группах. Долгое время в социологии и социальной антропологии аккультурация описывала миграционные процессы, уступив позднее адаптации и ассимиляции¹.

Применение же этих трех терминов в контексте исторического исследования ни коим образом не создает в исследовании внутреннего противоречия, а напротив, расширяет спектр исследовательских возможностей, наполняя каждый из них несколько отличным содержанием. Адаптация и ассимиляция могут характеризовать как процесс, так и состояние. При этом адаптация может стать преддверием ассимиляции, осуществляться как спонтанно, так и намеренно и означать приспособление некой этнической группы к измененной социально-политической и экономической реальности. Ассимиляция представляется в разной степени насильственным (или вынужденным) процессом, искомым итогом которого должна стать этносоциальная гомогенизация государственного (имперского) пространства. Аккультурация же видится универсальным понятием (базовым для двух предыдущих), характеризующим процесс максимально широкого взаимодействия этнических групп, который может протекать с разной степенью интенсивности как естественным путем, так и под воздействием политических институтов. Можно сказать, что адаптация и ассимиляция являются разными (сравнительной и превосходной) степенями аккультурации.

Смущает лишь изначально заложенный в «аккультурацию» колониальный смысл, который априори ставит взаимодействующие этнические группы в положение жертвы и покорителя, что далеко не всегда соответствует реальности и требует постоянных оговорок. Тем не менее, аккультурация как культурное взаимодействие этнических групп, являющихся носителями различных цивилизационных кодов, может быть использована как инструмент для описания цивилизационного освоения Россией своих новых

¹ Корякин К. Аккультурация. Режим доступа: <http://www.migracio.ru/akkulturaciya.html>. (Дата обращения 01.12.2017).

юго-восточных владений, присоединенных к империи в третьей четверти XIX в. И одним из важнейших направлений здесь стала административная аккультурация как процесс, направленный уже не на адаптацию (она имела место в более раннее время в отношении субрегиона Казахской степи)¹, а на ассимиляцию Русского Туркестана как неотъемлемой части Российской империи.

Речь идет о создании во вновь завоеванных инокультурных районах Российской империи новой системы управления, в первую очередь, первичной администрации. Ибо именно на этом уровне власти наглядно проявляется цивилизационное влияние завоевателей на покоренное население. Более того, исследование первичной администрации позволяет ответить и на вопрос о том, какое место центральное правительство отводило своим новым подданным в составе государства или в зависимости от него.

В предлагаемой работе основное внимание уделяется редко рассматриваемой административной аккультурации, которая подразумевала не только аккультурацию коренного населения центральноазиатских владений Российской империи через внедрение здесь новой общеимперской системы управления, но и привлечение традиционных административных институтов на службу новой власти, адаптацию народного суда к новым условиям, определение места традиционной религии в общественной жизни обширного края.

¹ Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.

Взаимодействие России со Степью: различия в восприятии с обоих берегов Урала

Отсутствие полного взаимопонимания между представителями различных цивилизационных социумов — русскими и казахами — проявлялось еще задолго до начала их тесного взаимодействия. Достаточно вспомнить первые дипломатические шаги, сделанные представителями Казахского ханства навстречу своему северному соседу.

Старт постоянным официальным отношениям между Казахской степью и Россией был дан в самом конце XVI в., когда в Москву прибыл посол казахского хана Тауекеля (Тевеккеля) Кул-Мухаммед для переговоров с царем Федором Иоанновичем. Русского государя на этих переговорах представлял касимовский царевич Ураз-Мухаммед, племянник Тауекель-хана. Предметом визита казахских послов была просьба о покровительстве¹. При этом важнейшей задачей казахских посланников было предложение своего рода военного союза против Бухары. Просьба предоставить казахам огнестрельное оружие, безусловно, была вызвана стремлением Тауекеля подчинить своему влиянию Мавераннахр. Однако Москва восприняла переговоры с Кул-Мухаммедом в контексте готовности казахов подчиниться верховной власти русского государя.

Поэтому мысль об их подданстве российскому престолу была вполне однозначно и четко сформулирована в документах, связанных с отправкой ответного посольства в Казахское ханство. От новых подданных русская столица ждала полного и неотступного повиновения и борьбы с бухарским и особенно с сибирским ханами. Присылка аманатов из числа ханских детей и братьев в обмен на Ураз-Мухаммеда должна была стать гарантией верности новых подданных России. Из документов видно, что московское правительство не собиралось удовлетворять просьбу казахов о снабжении их огнестрельным оружием². Да и освобождения Ураз-Мухаммеда не произошло даже после прибытия в Россию в качестве аманата ханского сына Мурата. Удачно устроивший свою карьеру при русском дворе племянник хана Тауекеля был прекрасно осведомлен в вопросах военной организации, внутренней и внешней политики Московского государства. Естественно, что столь ценный источник верной информации не имел реальной возможности вернуться на родину.

¹ 1594 г. января 20–29. Запись беседы царевича Ураз-Мухаммеда с послом хана Тевеккеля Кул-Мухаммедом о подданстве казахов Московскому государству и военном союзе с ним / Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сборник документов и материалов; под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. С. 3–5.

² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 6–11.

Возникшее различие в понимании одной и той же ситуации четко проявилось чуть более года спустя, когда было принято решение направить в Казахскую степь ответное посольство сроком на два года – с 1595 по 1596 гг.¹ Всё это время Кул-Мухаммед оставался в российской столице. Московский посол Вельямин Степанов должен был передать Тауекелю царскую грамоту, в которой Федор Иоаннович выражал готовность принять под свое покровительство состоявшие под его началом Казахское и Калмыцкое ханства. Грамота четко указывает на главную причину такой благосклонности московского правительства. Перед казахским ханом ставилась задача начать войну с противниками России (Бухарой и Сибирским ханством), захватить и доставить к царскому престолу хана Кучума².

Новая ситуация взаимного непонимания сложилась спустя более столетие и была связана с другим цивилизационным социумом Центральной Азии. Так сложилось, что юго-восточный вектор внешней политики императора Петра I был первоначально ориентирован на Хиву. В 1700 г. хивинский хан Исхак-Ага Шах-Нияз направил в Москву своего посла с просьбой о покровительстве, благосклонным ответом на которую стала грамота, посланная уже его преемнику Араб-Мухаммеду II в 1703 г. Однако русско-турецкая война 1710–1713 гг. отсрочила начало активного взаимодействия двух государств³. Лишь спустя несколько лет российский император вернулся к идее проникновения в Хиву, благо подвернулся достаточно серьезный повод.

Речь идет о хивинской экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского⁴. Непосредственных свидетелей тех событий почти не осталось. Поэтому особенно интересно обратиться к описанию, составленному со слов участника экспедиции А. И. Тевкелева (Кутлу-Мухаммедмурзы)⁵, уточненному и дополненному с помощью других источников⁶. Очевидец тех событий сообщил, что в 1713 г. в Тьюб-Караганском заливе объявился туркмен ходжа Нефес с якобы важным известием, которое мог-

¹ 1595 г. марта 14. Приговор Боярской думы о посылке переводчика Вельямина Степанова к хану Тевекелю для переговоров о подданстве // Там же. С. 5–6.

² [1595 г. марта]. Грамота царя Федора Ивановича хану Тевекелю о принятии казахов в подданство Московского государства // Там же. С. 9.

³ См.: *Гроссул-Толстой П.* Дела русского оружия и политики в Средней Азии. По поводу войны России с Хивой. Одесса: Тип. бр. Гроссул-Толстых, 1871. С. 3.

⁴ Историко-графический обзор этого события представлен в статье: *Адилов Ж.* Экспедиция Александра Бековича-Черкасского в Среднюю Азию: историографическая динамика // *O'zbekiston tarixi*. 2014. № 4. С. 47–61.

⁵ Записка о бывшей князя Александра Бековича в Великую Татарину экспедиции. Учинена в Оренбурге с словесного объявления его превосходительства господина генерал-майора Тевкелева // ОР РНБ. Ф. 595. Д. 99. Л. 1–7.

⁶ Несколько отличное от нижеследующего, но, безусловно, заслуживающее внимания описание экспедиции Бековича-Черкасского представлено М. Ниязматывым (*Ниязматов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургск. востоковедение, 2010. С. 36–47).

ло принести пользу Российскому государству. Через Астрахань князем Михаилом Замановым он был доставлен в Москву и Санкт-Петербург, где был представлен государю и рассказал ему о реке, на которой моют песчаное золото¹. Позже писали о том, что ходжа вообще предлагал завоевать Хиву с помощью туркмен². В столице Нефес познакомился с князем Александром Бековичем-Черкасским, который изъявил желание возглавить экспедицию по отысканию азиатских сокровищ. В столице в это время находился сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин со своими предложениями об отыскании в Малой Бухарии золотоносного песка. В мае следующего года царь объявил Сенату о командировании к Амударье капитан-поручика Преображенского полка А. Бековича-Черкасского³. Государь был убежден, что уж если не будет обнаружено искомое золото, «...то по крайней мере, найден будет способ к получению онаго посредством торговли чрез те страны с самою Индиєю»⁴. Казанскому губернатору П. С. Салтыкову и астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову было предписано выделить экспедиции полторы тысячи войск, пять тысяч рублей, а также припасы и все, что князь будет требовать⁵. Всего же на подготовку экспедиции в 1714 году только от Казанской губернии было затрачено не менее 25500 рублей⁶. А уже вскоре расходы превысили 30600 рублей⁷.

¹ *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири и ордена святого Александра кавалера Федора Ивановича Соймонова. СПб.: Императорская акад. наук, 1763. С. 6.

² *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я. А. Исакова, 1868. С. 18.

³ 1714 г. мая. Высочайший указ Правительствующему Сенату о посылке для отыскания устья Аму Дарьи лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Черкасского и с препровождением его доношения, заключающего в себе предложение подчинить России горские народы и пр. // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Стб. 197.

⁴ *Галкин М. Н.* Указ. соч. С. 19.

⁵ См.: 1714 г. сентября 22. Доношение Правительствующему Сенату казанского губернатора Петра Самуиловича Салтыкова о том, на какие суммы надлежит отнести как те деньги, которые велено выделять князю Александру Бековичу Черкасскому в Казани и в Астрахани, так и те деньги, которые по его требованию израсходованы на покупку припасов и стругов и которые он вперед потребует // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Стб. 202–203.

⁶ 1715 г. февраля 17. Доношение Правительствующему Сенату казанского губернатора Петра Самуиловича Салтыкова о том, следует ли послать к князю Черкасскому просимых им, сверх указанного числа, 500 человек яицких казаков; из каких доходов расходовать деньги, если он таковой потребует, и о доставлении из Главной артиллерии в Казань пороха для отсылки к нему // Там же. Стб. 203–206.

⁷ 1715 г. апреля 6. Доношение Правительствующему Сенату казанского губернатора Петра Самуиловича Салтыкова о том, на какие суммы отнести издержанные князем Черкасским 30638 рублей 4 адтына с деньгою, и о доставлении в Казань для отсылки к нему пороха и свинца // Там же. Стб. 207.

14 февраля 1716 г. князь Бекович-Черкасский официально был назначен послом в Хиву, Бухару и Индию¹. Тогда же князю была дана специальная инструкция, которая требовала основать крепости на Амударье и в ее старом устье, а также принять меры к обводнению последнего. От начальника экспедиции требовалось склонять хивинского хана «...к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах». В случае благоприятного развития событий в Петербурге рассчитывали на содействие хана в исследовании как золотonosных песков, так и возможных путей в Индию. В отношении бухарского эмира также надлежало предпринять по возможности шаги к привлечению его в российское подданство или хотя бы склонить к дружбе. Помочь Бековичу осуществить поставленные задачи должен был отряд из 4000 регулярных войск и потребное количество судов. Кроме того, двухтысячный отряд казаков вместе с драгунской сотней должны были скрытно проникнуть к руслу Амударьи с целью основания там города². Иными словами, на руководителя экспедиции возлагалась задача собрать сведения не только о золотonosной реке, местной природе и населении, но «...особливо о восточной Индии [Ост-Индии. — Д. В.] и о тамошней комерции сухим и водяным путем достоверные разведывания чинить...»³. Несмотря на то что посольство вполне естественно должно было носить мирный характер, ему были приданы морские офицеры и корабельные мастера. Но самое главное, Александр Бекович получил от государя полномочия сформировать для себя военную команду, чем он не преминул воспользоваться. К лету 1716 г. военная составляющая экспедиции достигла общего числа в 6100 человек регулярных войск, драгун и казаков⁴. В Москву, Казань, Нижний Новгород, Астрахань летели приказы о выделении для нужд экспедиции огромного количества финансовых средств, водных судов, телег и подвод для обеспечения военного отряда жалованьем, амуницией и обмундированием, артиллерией, порохом, свинцом и т. п.

¹ 1716 г. февраля 14. Доношение графа Гивриила Ивановича Головкина Правительствующему Сенату о назначении князя Александра Бековича Черкасского послом к хивинскому хану, о посылке купчин к бухарскому хану и к индийскому моголу и о снабжении их всех по этому случаю верючими грамотами // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Стб. 212.

² 1716 г. февраля 14. Пункты, данные государем гвардии капитану князю Черкасскому при назначении его послом к хивинскому хану // Там же. Стб. 213–215.

³ Записка о бывшей князя Александра Бековича в Великую Татарию экспедиции. Учинена в Оренбурге с словесного объявления его превосходительства господина генерал-майора Тевкелева // ОР РНБ. Ф. 595. Д. 99. Л. 1об.

⁴ 1716 г. не ранее июня 1. Выписка, составленная канцеляриею Сената о числе войска, назначенного в отряд гвардии капитана князя Александра Черкасского // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Стб. 274.

Подготовка экспедиции шла и на дипломатическом фронте. В феврале 1716 г. в Хиву прибыл посланный Бековичем дворянин Алексей Святов с письмами к хану. В своем рапорте Святов сообщил, что его приезд вызвал заметное напряжение в ханстве, посылку хивинских гонцов в Бухару, Каракалпакию, крупные центральноазиатские города, активизацию сношений с волжскими калмыками, фактический арест российского посланца. Обстановку осложнило возвращение побывавших в Астрахани хивинцев, сообщивших о значительной концентрации российских войск, готовых к движению на Хиву. Новости вызвали в ханстве глубокие сомнения в мирном характере посольства. Крепла уверенность, что это военная экспедиция, имеющая целью захват Хивы. Эти опасения выразил Святову хивинский вельможа Досымбай, противник возвращения российских посланников на родину, которому пришлось сыграть решающую роль в судьбе всей экспедиции Бековича¹.

Что касается Бухары, то, исходя из задач экспедиции, царское правительство стремилось выстроить отношения с ней исключительно в мирном ключе. Так, направлявшегося в Россию в 1716 г. посла эмира государь повелел «принять ласковее» и задержать до своего приезда, видимо, для личной аудиенции и до возвращения князя Черкасского².

В июле 1717 г. Бекович-Черкасский сухим путем из Гурьева городка выступил к Хиве во главе отряда из почти 2,5 тыс. человек, вместе с которыми следовали около 200 русских, татарских и бухарских купцов, некоторые из них имели с собой товары для торгова. В пути князь получил высочайшее повеление направить надежного человека через Персию в Индию и Китай с разведывательной целью. Преодолев самые труднодоступные и безводные места, Бекович был остановлен 24-тысячным войском хивинского хана Шир-Гази в 120 верстах от Хивы. Осада российского отряда продолжалась три дня подряд, однако встретила такое сопротивление, что вселила страх не только в осаждавших, но и в жителей столицы ханства, некоторые из которых, по слухам, стали покидать город. Однако российским войскам не удалось реализовать успех. Они были рассеяны, а их командующий коварно убит³.

¹ См.: 1716 г. марта 30. Письмо князю Александру Бековичу Черкасскому дворян Ивана Воронина и Алексея Святова о том, почему их задерживают в Хиве и о положении тамошних дел // Там же. Стб. 248–250.

² 1716 г. мая 13. Отрывки из высочайшего указа Правительствующему Сенату об учинении ласкового приема послу бухарского хана и о производстве жалования князю Михаилу Заманову, назначенному состоять при князе Черкасском // Там же. Стб. 259; Именной указ о принятии бухарского посла и о содержании его по бытию в Хиве князя Черкасского // Журнал или поденная записка блаженной и вечнодостойной памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадтского мира. Ч. II. Отд. I. СПб.: Императорская акад. наук, 1772. С. 370.

³ Подробнее см.: *Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь. С. 46–50.

Причина неудачи экспедиции Бековича-Черкасского состоит в том, что мирная, казалось бы, миссия, облеченная в военную форму, и была воспринята как вооруженное вторжение. Не исключено, что хивинские власти в чрезвычайной, на их взгляд, военной составляющей видели прямую угрозу собственной государственности, в то время как для российского правительства войска, сопровождавшие миссию, были лишь ее прикрытием и максимально в чем должны были активно проявить себя — в строительстве укреплений на Амударье. Причем нет свидетельств, что эти укрепления должны были быть возведены любой ценой, даже вопреки доброй воле местных властей.

Практически одновременно в Западной Сибири разворачивалась новая история с казахской просьбой о военном союзе. На сей раз против джунгар.

В сентябре 1716 года в Тобольск прибыли послы казахского хана Кайыпа с предложением совместной вооруженной борьбы с джунгарами. Российская администрация понимала постоянную угрозу своим границам, исходившую как от казахов, так и от джунгар. Поэтому сибирский губернатор Матвей Гагарин и советовал государю заключить с Казахским ханством военный союз против джунгар. При этом он предложил казахам самим начать боевые действия против хунтайджи, не ожидая помощи со стороны России. Интерес империи к войне с джунгарами был продиктован тем, что последние, опасаясь притеснений для своих кочевий и насильственного выселения, оказывали сопротивление строительству русских городов в Сибири. В Петербурге было принято решение начать боевые действия против джунгар, но лишь в случае возмущений с их стороны¹.

В октябре 1716 г. М. Гагарин приказал тобольскому боярину Н. Белоусову отправиться для переговоров к хану Кайыпу. Государеву послу поручено было уведомить хана о том, что русским жителям запрещено вступать в столкновения с казахами; что сделаны уже распоряжения, направленные на развитие торговли. В отношении возможных военных действий против джунгар боярин Белоусов должен был узнать, в какое время, откуда и каким числом намеревался Кайып выступить против хунтайджи².

Через год тот же Кайып обратился к казанскому губернатору Петру Салтыкову с уже более конкретным предложением совместной борьбы с джунгарами. На сей раз казахский хан открыто просил у российского государя «многих ратных людей» и даже указывал место, где российскому

¹ 1716 г. сентября 12. Донесение сибирского губернатора М. Гагарина Петру I о прибытии в Тобольск послов от казахского хана и народа с просьбой о мире и военном союзе с Россией // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 16–18.

² 1716 г. октября 14. Наказ тобольскому боярину Никите Белоусову, посланному к хану Кайыпу для переговоров о возобновлении торговли и заключении военного союза с казахами // Там же. С. 19–20.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66